

Его имя — на мраморе

В большой шахтерской семье Бицура Василий был старшим из восьми детей. Веселый и добрый, он действительно был любимцем семьи. И матери по хозяйству поможет, и младшим братьям и сестрам своим трудные задачки растолкует. Кстати, Василий считался среди одноклассников самым сильным физиком и математиком. Мечтал стать учителем...

Из его выпуска, выпуска 1941 года, многие ребята ушли на фронт в первые месяцы войны. Когда пришла в дом Бицуры повестка из военкомата, все подумали: призывают отца.

— Меня! — воскликнул Василий, прочитав первые строки.

Часть Василия формировалась на востоке. Ждали писем оттуда. А потом мальчишки, встречающие на станции воинские эшелоны, принесли трюгальник, сброшенный с проходившего поезда. Коротенькой была та весточка: «Домой заскочить не удалось. Еду на запад».

А потом приходили письма с фронта. Переписку с братом вела Вера, третья из детей по старшинству. Сообщала все новости, выполняла «секретные» поручения брата.

— Вася часто интересовался, как живут друзья, подруги. Однажды просил меня узнать что-нибудь о Нине К. Я долго ломала голову: кто же это — одноклассница или какая-нибудь знакомая Васи? И только сейчас, на встрече выпускников сорок первого года в школе № 15, где Вася учился, я узнала, что Нина К. — Нина Киселева...

...Это письмо было последним. Обычное веселое письмо: «Привет с фронта! Здравствуй, дорогая сестрица Вера! На днях получил от тебя письмо, за которое очень благодарю... Живу

пока ничего. Чувствую себя великолепно — уже старый вояка!.. Пиши, Вера, все новости. Пиши, как здоровье мамы, тяти, Шуры и всех наших...».

Датировано оно 21 июня 1944 года. В Черемхове его получили 9 июля. Василия уже тогда не было. Он погиб 29 июня, не успев получить ответ из дома.

— Похоронку решили маме пока не показывать. Лишь осторожно сказали: «Вася ранен». Мама сразу засобиралась к нему ехать в госпиталь. Пришлось сказать, Она враз поседела...

А следом пришло еще одно письмо с фронта. Обрадовались: неужели ошибка! Оказалось, письмо от друга Василия:

«19 июля 1944 года. Здравствуйте, родные нашего любимого Василия Григорьевича Бицуры! С горячим гвардейским приветом товарищ Васи Иван Платонович Василенко!»

В начале данного трудного письма спешу сообщить вам о том, что я есть задушевный товарищ Васи, уроженец Смоленской обл., Мядынского р-на, Николаевского с/с, д. Огорова, рождения 1922 года. С Васей — с августа 1943 года. С ним я прошел всю Белоруссию. Отдыхали вместе, шутили, пели, плясали. В наступление шли весело. Вася был командиром расчета миномета 82 мм. Я, как старший подразделения, где находился Григорьевич, любил его, уважал как веселого, шутового командира. Не было у него дней усталости, уныния ни в отдыхе, ни в бою.

С хладнокровием он уничтожал фашистов. В одном бою при большом наплыве разбитых фрицев, которые шли на свою смерть с оружием и без оружия, он спокойно уничтожал их из амбразуры блиндажа.

Не забуду его последних

слов: «Хм. Смотри, упал, второй. Еще упал», показывая рукой в сторону своей цели. И в это время один негодяй, фриц, выстрелил в амбразуру, от которой не отходил Вася, и пуля прошла через правую щеку насквозь в затылок. Вася погиб смертью храбрых.

Здесь, около этого дома, около этого блиндажа, откопав могилу, сделав гроб, мы отдали в последний раз Васе свою гвардейскую честь и поклялись: за смерть любимого боевого товарища отомстить врагам, т. е. каждому убить по 100 с лишним немцев. Половину этого количества уже достигли и в предстоящих боях наверстаем остальное. Вася награжден орденом Отечественной войны II степени, который вы получите в скором будущем.

Беспокоиться не нужно особенно. Фронт, боевая обстановка, ничего не подделает. Он погиб в славе, в чести наших солдат и офицеров. Никто вам не напишет о нем плохого, что он продал Родину, что он трус и паникер. Нет, только хорошее можно сообщить о вашем сыне.

Честь и слава родителям, воспитавшим таких сынов!

У меня погибло тоже два брата с честью и славой, орденосцы. Ну и что же — это не на печи сидеть, а это фронт.

Опишу местонахождение могилы Василия Григорьевича: БССР, г. Бобруйск, Бобруйский р-он, с. Сычково, шоссе из Бобруйска на Минск, за шоссе два дома, в 150 метрах от шоссе, в ограде около дома, его могила одна с подписью. Вот и все. До свидания».

...Вера Григорьевна вновь возвращается к мраморной стеле. Среди тысяч имен ищет родное.

— Вася, Васенька наш...

И. ОРЛОВА.

— В О Т он, Вася наш... Вера Григорьевна прикасается к высеченным на мраморе буквам «Бицура В. Г.». Пробегает глазами столбцы фамилий на стеле и снова возвращается к родному имени.

— Вася... — повторяет тихо, и вздыхает.

Какой бы он был сейчас? Как ни силится представить его почти шестидесятилетним, не может. Навсегда остался брат в памяти Веры Григорьевны таким, какой он изображен на этой фотографии, последней его довоенной фотографии.

— Таким вот высоким, коренастым, красивым его представляю.

Вера Григорьевна оглядыва-

ется. Как будто стоит кто-то рядом. Нет, вокруг никого. И снова она обращается к имени на стеле:

— Ты здесь, Вася...

Потом долго стоит у танка, застывшего на постаменте, читает строки на мраморе:

«Спасибо за память, потомки!»

Спасибо за верность, потомки!

Спасибо за то, что алает

заря!

Не зря мы над смертью

смеялись!

Не зря наши слезы и ярость!

Не зря наши песни и клятвы,

не зря!».

И запотевают стекла на очках...

— Он, знаете, какой у нас хороший был. Как мы его все любили...